

Вдохнуть ветер

а потом они возвращались - ветрами, душами, сном, безудержьем; разливались во мне мощью, токами, затихали песнью-шорохом. И светились призывком, обретённым Именем.

Лиловые щупальца полуденных солнц просачивались сквозь ветви, рассыпаясь на наших лицах играющим веером лучей. Скинув сандалии, мы с отцом заваливались в гамак, висящий во внутреннем дворике между двумя старыми кедрами, и болтали обо всём. Отец рассказывал о небесных землях и временах, когда наши предки умели летать. Ни одному народу не удавалось подниматься к высоким землям, небрежным бисером рассыпанным над Синегорьем. А летокрылы могли. Они называли себя детьми Догоды - покровителя ветров. Им был открыт весь мир.

Я слушал истории о летокрылах и о Последней битве, унёсшей в лихорадочной агонии многие народы. Никто не помнил, что послужило причиной, но говорят, это был страх. Страх перед угрозой с неба, несомой летающими созданиями. С тех далёких времён прошли многие обороты - теперь мы не умели летать. Или забыли, как это делается. А рудиментарные отростки, торчащие из наших лопаток, купировали ещё в младенчестве.

Помню, я смастерил воздушного змея. Крепко удерживая леер, глядел, как крылья нетерпеливо трепещут на ветру, и представлял себя, взлетающим ввысь. Отец наблюдал за мной. Тёплый прищур на загорелом лице, глубокие складки у рта. Так он улыбался.

- Полетит.

- Ага, - я верил отцу. А он верил в небо.

Вместе с уходом дня ушёл и дождь. О существовании того и другого напоминали лужи на асфальте, задержавшие в себе красные осколки заката.

Я не знал её имени. Она работала в канцелярии. Ходила туда каждое утро и возвращалась вечером. Иногда я видел её в кафе. Она всегда садилась у окна и никогда в него не смотрела. Мне нравились её скулы. И профиль. Резкий, аристократический. Узкие

бёдра, и звук каблучков по звонкой мостовой. Мне всегда хотелось запечатлеть её образ. Но она уходила в серый калейдоскоп улиц, а я снова не решался подойти.

Сворачивал в сквер и снимал перекинутый через сутулую спину этюдник. Раскладывал кисти, доставал тряпицы, флакон с терпентиновым маслом, раскручивал тюбики с красками, выдавливая содержимое на палитру. Дотрагивался подушечками пальцев до шершавой поверхности натянутого на подрамник холста - и материя отвечала звенящим отзвуком. Но холст снова оставался пуст.

- Ты опять не будешь писать? - привычно раздавалось над ухом.

- Нет, не буду, - махал головой я, оборачиваясь к мешковатой девчужке в странной шляпе, напоминающей груздь. Девочка приходила в парк кормить голубей, и всякий раз, натыкаясь на меня, оставляла своё занятие, опускаясь рядом на парапет моста, свешивая над водой ноги. Пернатые следовали за груздем, окружая нас суетливым воркованием. Они садились на её шляпу, мой мольберт.

- Кисти снова не хотят вести тебя за собой? - повторила девочка некогда сказанные мной слова.

- Сегодня холст не хочет открыть мне свою тайну, - подмигнул я груздю, и мелкая счастливо зарделась.

- А хочешь, я покажу тебе свою? - она выжидательно вперила в меня пронзительные глазёнки.

- Покажи, - улыбнулся я.

- Пошли, - строго согласилась девчужка и повела, заставив предварительно завязать глаза ветошью, насквозь пропахшей масляными красками.

- Ты не должен запомнить дорогу, - пояснила маленькая хитрюга.

Когда повязка была, наконец, снята, я обнаружил себя в атриуме старого собора. Уходящие ввысь своды были расписаны потрескавшимися от времени фресками, а из купола апсиды лился мягкий свет витражей, наполняя золотистым, коралловым, лазоревым глубину тёмных нефов. Затаив дыхание, я созерцал эту внезапную красоту, улыбаясь глупышке и её нечаянному подарку. Я и забыл, когда в последний раз поднимал голову, чтобы увидеть настоящее; захлебнуться в нём, родном, позабытом. Обретённом на единственный миг. Потому что моргнёшь - и оно растает.

Снег всегда сваливался неожиданно, с ворохом неуместных новостей, потрёпанными сборниками стихов собственного сочинения и пирожками с капустой.

- Хей! Не ждал? - кричал он с порога. А я отправлялся на кухню заваривать чай.

- Как твоя незнакомка? - бесцеремонно напоминал Снег об однажды обронённой мной фразе о девушке из канцелярии.

Я неровно поддёргивал плечами, пытаюсь стряхнуть с них его липкий взгляд. У Снега были льняные, почти белёсые волосы, такие же брови и совершенно бесцветные глаза. В детстве его дразнили альбиносом, а я всегда называл Снегом.

- Слышал, как обнаглели хвостатые? - сощурился приятель, громко отхлёбывая чай.

Я поморщился. Внешне хвостатые ничем не отличались от нас - ещё одна раса выживших, потомки дочерей Мокоши. Отличие от догодцев составлял их телепатический дар и способность к гипнотическому воздействию, которые те использовали в своих целях. Умело скрывая хвостатую природу, они, как искусные кукловоды, дёргали за нужные нити, а мы, сами того не замечая, подчинялись им. Серые кардиналы не нуждались в высоких постах и местах в царской канцелярии; у них и так было всё необходимое. И этим всем была власть.

- Хвостатые сумели провести постановление о том, что теперь мы должны получать специальные прививки, - сообщил Снег.

Вряд ли это постановление может коснуться горбатого художника, живущего за городской чертой на мансардном этаже заброшенного дома.

- Ну, до твоей мастерской они, скорее всего, не доберутся, - подтвердил мои мысли Снег. Он упрямо называл моё жилище мастерской, хотя я давно ничего не писал. Мансарда, насквозь пропахшая скипидаром, была забита картинами, но среди них не было ни одной новой.

- Сдаётся мне, хвостатые по-прежнему боятся, что наша природа возьмёт своё, и мы сможем подняться в воздух, - живо продолжал Снег. - У них есть дар, а летокрылам нечем крыть - у нас нет крыльев. Но мы сделаем ответный ход. Ещё сыграем!

Меня всегда удивляла жизненная активность Снега. Он даже состоял в какой-то подпольной организации, ставящей своей целью обнаруживать мокошей, чтобы те не могли скрыто манипулировать массами. Я же всегда был изгоем и, отгородившись ото всех своим горбом, мало интересовался, как массами, так и их управителями.

Мир не был моим. Ни в детстве, заставившем глотать злые колкости сверстников относительно своего уродства; ни когда повзрослел, неожиданно обнаружив себя

выкинутой на ветер песчинкой. И если ребёнком мне удавалось спрятаться от невзгод, закутавшись в тёплый плед собственных фантазий о переменах, которые непременно наступят, стоит мне вырасти и встать за штурвал, то позже мои чаяния оборвались, раздробившись о прибрежные скалы устоявшихся констант. Мир был занят, распределён. Мне оставались холсты. Я путешествовал по городам, перенося на полотно их разноликие очертания - строгие, странные, шумные, мягкие. Но однажды странствия прекратились - меня сломила болезнь. Обосновавшись в старом родительском доме, первое время я ещё не выпускал из рук кисти. Они пели, дрожали, звенели, не отпускали меня тоже - до тех пор, пока смысл ещё жидился в моём измятом сознании. Но день ото дня мир серел, сливаясь в унылой безликости. Я слышал лишь завыванье ветров, и с каждой осенью всё острее.

Снова брёл по душным закоулкам, туго сдавленным каменными плечами почти сросшихся зданий в поисках того, о чём никак не мог вспомнить. Колющие дождевые крошки роились в воздухе, оседая кисловатым привкусом на губах. Кто-то следил за мной. Это были жёлтые скорлупки голодных звериных глаз, возникающих из темноты, из стен. Звери медленно приближались ко мне, готовые наброситься. Я хотел бежать, но ноги будто увязли в киселе, отказываясь подчиняться. В этот миг зверьё набросилось на меня, вцепившись в спину когтистыми лапами, раздирая кожу до позвоночника.

Меня разбудил истошный вопль, вырвавшийся из горла. Это была боль. Горб опять кровоточил. Кости ломило, будто их сжимали пассатижи, намереваясь искромсать в труху.

Глухо скуля, я сполз на пол. Хотел, чтобы всё прекратилось. И всё прекращалось. До следующего раза.

- Когда скользишь по тонкому льду - всё спасение в быстроте, - ветер подхватил слова, слетевшие с уст моей незнакомки, закружив их в шуршащем осенью фокстроте. Они предназначались долговязому в широкополой шляпе, открывшему перед ней двери парадной.

Я снова не осмелился подойти, почувствовав себя лишним, неловко сбившись с шага. Нужно было пойти со Снегом на дуэль, он звал. Но я не любил кровь. К тому же, это не зрелище для праздных глаз. Это дело только двоих - тех, кто восходит к барьеру.

Внезапно в спине заломило. Так некстати. Воровато озираясь, я искал пути отступления, боясь свалиться на мостовой, корчась в мучительной пытке. Единственное, что я хотел - это избавиться от всего. Ноги сами нашли дорогу к собору. Ступенька за ступенькой, я карабкался вверх, спасаясь от дикой боли, выворачивающей наизнанку. Шипя, воя, выполз через одну из вентиляционных арок, тянувшихся по периметру купола, оказавшись под небом, не понимая, зачем. Я цеплялся, но мысли соскальзывали, куда-то вниз, по сточным трубам, и я отпустил их.

Меня звала высь. Откуда-то из-под рёбер. Безотчётное желание обрести дом. Я рухнул в небо.

Кожа на спине треснула, брызнув кровью и двумя мощными крылами. Хрустнули кости, я шевельнул ими, ловя равновесие, как воздушный змей, ложась на ветер. Расправил перепончатые крылья, не помня себя от наполняющей естество радости, бьющей через край.

Ух, от высоты захватило дух. Да! Я родился для этого мгновенья. В лицо бил ветер, свистя в ушах, неся над городом, который я видел впервые. Ломаные улочки, связывающие в узлы хлебные горстки строений, мякиши изумрудно-лиловых крон. Неуклюжие машины, выкашливающие копоть, крошечные человечки, бегущие по своим суетным делам - всё казалось игрушечным. Настоящее звучало в груди. Настоящим был Ветер.

Города Синегорья, обрамлённые кружевом гор, остались позади, сменившись безбрежными долинами с редкими всплесками лесных массивов. Неожиданно земля оборвалась иссиня-чёрной дрожащей, бликующей на солнцах тканью. Где-то на горизонте плясала бесноватая фата-моргана, а в пронзительной голубизне неба виднелись далёкие горошины чужих земель.

Я понял, что должен во что бы то ни стало долететь. Не боялся упасть в расстелившийся подо мной океан - я боялся проснуться.

Земляной островок быстро приближался. Теперь он не выглядел горошиной, напоминая клочок вырванного с корневищем из земли дёрна, окутанный янтарным ореолом. Вскоре стали различимы лоскутья золотисто-охристых, розовато-медовых полей, на которых лениво паслись длинношерстные толстоногие животные. Мелкими брызгами

неосторожной кисти рассыпались беспорядочные домишки-бугорки, соединяющиеся нитями исхоженных тропинок.

Приземлившись в некотором отдалении от поселений, я почувствовал, как ноги вошли в мягкую красноватую пыль. Горьковато-жгучий гречишный воздух раскалённо потрескивал, обдавая жаром.

Мои детские мечты о путешествиях - теперь они стали явью! Теперь мои кисти взвоятся в стремительном танце, и Груздь больше не упрекнёт их в безмолвии.

- Давненько летокрылы не показывались в наших краях, - проскрипело за моей спиной. Обернувшись, я увидел дремучего старика, больше напоминавшего худотелого богомола, нежели человека. Под низко нависшими веками застыли слюдяные капли глаз, густые морщины покрывали изжелта-оливковую кожу.

- Нам обрезали крылья.

Старик понимающе кивал, и его тонкая шея, казалось, едва удерживала тяжёлую голову.

- Каждый сам волен заключать себя в рамки, - вздохнул он. - Как и выходить из них.

- Не всегда выбор определяется желанием, - возразил я, с удивлением рассматривая аборигена.

- Всегда, всегда, - кивал старик, пожёвывая свои сухие губы и, как я потом заметил, лист терпко пахнущего растения. - Ты же здесь.

- Это был случай... - и я рассказал ему о том, как сорвался в небо, не надеясь взлететь. Старик согласно покачивал головой. Молчал. Он был так причудлив и тонок, что казался дивной сущностью, сплетённой из чьих-то снов. И мне хотелось говорить, говорить... Обо всём. О детстве, о том, как немо рыдал, мечтая вырваться - наружу, из клеток тел, притяжений, устоев и рам, ринуться в дали, раскатиться по ним пенной песнею. Не об этом ли, о несказанном взывали, взывая ветра?

Так мы сидели с ним, жуя вяжущие с горчинкой растения, до закатов обеих солнц. И мне казалось, что всё прежнее было сном. А настоящее ещё не настало.

А потом я смотрел в её глаза. Одурманенный, словно листом тшейду.

- Хочешь, я отнесу тебя к звёздам?

Она смеялась, скидывая волосы, ничего не отвечая.

- Я видел много миров. Хочешь, я покажу их тебе?

- Снег действительно верит, что у меня есть хвост? - заломив бровь, невзначай спросила незнакомка.

- Наверное, он решил так из-за канцелярии, - сбивчиво признался я, вспоминая, когда так неосмотрительно успел сказать ей об этом.

- И ты до сих пор не вызвал его? - будто начертанные на восковой маске лепестки её губ всё так же улыбались.

- Он безобиден, - пытался оправдаться я, ощущая, как мозг пропарывают черви сомнения, сверлят, копошатся, причиняя боль.

Жёсткий фонтан волос ударил по лицу, и я видел, как она уходила. Опять...

- Я не буду в тебя стрелять, - выдавил Снег, сжимая в побелевших пальцах револьвер.

Я знал, что не буду стрелять в него тоже. Но с удивлением обнаружил, что взвожу курок, направляя ствол в сторону друга. Слышу, как в воздух вгрызается протяжное “пли” - и два выстрела замирают в осевшей тишине.

Удушающая волна разрывает лёгкие, небо катится под откос.

- Я не стрелял, - изумлённый возглас Снега. Его седое лицо. Уходящая с поля тень незнакомки, и револьвер - продолжение её руки.

“Стрелял я. Стрелял мимо,” - хочу ответить, но губы не реагируют на сигнал.

Чёрный тополь натужно покачивается, замешивая воронье варево над моими остекленевшими глазами. Ржавые тучи, припорошенные крошащимся пеплом последней листвы, уходят на юг.

Вдох. Впервые пробуждение не приносит боль.

“Проснись, не снись, До-го-да-а-а-а...” - шепчут ветра моё имя, не играя словами, но танцуя ими.

Он вплетал прозрачные пальцы в её растрёпанные волосы - и она улыбалась Ветру. Он одаривал ароматом нескошенных лугов, неподвластным времени дыханием. И Груздь, уже не сдерживая счастливых слёз, бежала ему навстречу.

Ветер принял её в порывистые объятия и закружил над землёй. Потом мягко опустил в густые травы и продолжал ласкать, нежно касаясь её плеч, рук, обнажённых ступней.

Груздь смеялась и прятала лицо в травы, закрываясь руками и волосами. Ветер затих, а она продолжала лежать во влажной траве, улыбаясь смешным мыслям, которые путались сегодня, чудачили, перешёптываясь о том, что в голове девушки Ветер. Ветер в голове. Она улыбалась.